

© 1996 г.

Л. МУНЬИЗ

ПРОБЛЕМА ЮМОРА В ОБРАЗОВАНИИ

МУНЬИЗ Луис - профессор, Нью-Йорк.

Юмор - жизнь без теории. Это разум, излучающий дружелюбие, игривость и эстетическую страстность понимания и воображения.

Юмор, как и язык, выступает уникальной характеристикой человеческого рода. Однако в процессе преподавания научных дисциплин ему, как правило, не везет. Слишком велико здесь влияние серьезности. Порой даже кажется, что в общении и взаимодействии людей юмор незаслуженно принижен. И прежде чем говорить о перестройке изучения социологии, политологии и философии на волне юмора, стоит взглянуть на историю общества и человека, отступив немного от официальных рамок.

В каждой культуре, как известно, имеются официальные идеи и представления, в которых так или иначе схвачена реальность, но ни в одном обществе нет официального юмора, а следовательно, нет и официальной спонтанности. Такое возможно только в индивидуальной жизни на границе реальности и воображения. Но общество и индивидуальность неразрывны, по крайней мере в процессе развития. Мужчина, как, впрочем, и женщина, приобщается к этому процессу, преступая свою индивидуальную ограниченность в общении с другими, т.е. в обществе, которое, в свою очередь, развивается лишь благодаря существованию индивидуальности. Юмор в данном случае предстает как способ развития человеческой способности понимания, видения. Официальная серьезность предписана человеку, а комизм реальности он может понять лишь сам. Вместе с тем именно юмористическая интерпретация происходящего позволяет изучать общество, политику и философию на почве реалистического, парадоксального понимания опыта жизни в обществе и истории.

Термины «общество» и «культура» часто употребляются как синонимы. Правильно ли это? Если быть предельно кратким, то более правильно выражение: общество обладает культурой. Общество всегда состоит из людей, а культура - способ их поведения. Можно представить культуру как мышление, включенное во взаимодействие индивидов, восприятие красоты и другие человеческие чувства, без которых не мыслима наша встреча с искусством и юмором. Но почему-то последний выпадает из числа существенных элементов культуры и ее эволюции. Так, до недавнего времени вне исследования оставалась глубокая укорененность смеха в культуре и народном творчестве прошлого [1].

Чтобы понять общество и культуру, политические и философские взгляды, важно не упускать из вида, что человек - это одновременно и интеллект и страсть; сознание - это объективное знание окружающего мира и субъективный опыт человека. Одна из главных задач образования заключается в том, чтобы раскрыть методы соединения подобных отдельных миров и показать связь между ними. Юмор же представляется наиболее широким и глубоким способом установления связи между ними - внешним миром и субъективным опытом, он воссоздает интегрированный взгляд, совмещающий воедино по крайней мере три мира: мир абстракций и концепций, мир непосредственного опыта и объективного наблюдения, мир субъективного опыта.

О. Хаксли утверждал, что мир специализированного знания образует упорядоченные ряды безбрачия [2]. Можно добавить, что отсутствие чувства юмора означает бесплодие интеллекта. Отчуждение от комических и забавных сторон жизни общества оставляет в качестве единственного взгляда на мир только серьезность, а по сути приводит к отрицанию сложности и многообразия интерпретации реальности, ограничению понимания мира. Безусловно, это касается и интерпретации общества, политики, философии, понимания в межличностных отношениях.

Знание и понимание культуры, общества, человека обуславливают способ видения человеком мира и других людей. Чтобы понять юмор и его социальную значимость, нужно познакомиться с величайшим парадоксом человеческого существования.

Вряд ли кто осмелится оспорить, что человек никогда не сможет оторваться от своей тени. Но то же самое справедливо утверждать и применительно к опыту познания и процесса обучения. Человек не может уклониться от того, что он знает. В знании, которым владеют, содержится величайший парадокс нашего существования. Он выражается, по утверждению английского мыслителя Олдоса Хаксли (1894-1963), в следующем: «чтобы понимать, мы должны сначала нагрузить себя основательно интеллектуальным и эмоциональным языком, выступающим помехой пониманию» [3].

Каждому человеку свойственно ощущать недостаток знаний и избыток невежества. Первоначальный человеческий опыт - неопытность. И это понятно, поскольку человеческая сущность не дана ему от рождения; это - нечто, что он культивирует или во что вырастает. Люди очеловечиваются, подражая другим, научаясь их речи и с ее помощью овладевая накопленным знанием. В то же время они приобретают и псевдознания. Таким образом, то, что делает человеком, вплетается в процесс самореализации и препятствует пониманию.

Вместе с унаследованным знанием и псевдознанием человек обречен воспроизводить жесткие структуры мысли, чувствования, поведения. По мере очеловечивания он превращается в зависимое существо. При этом не раз обнаруживается, что предметный материал образования, рассчитанный на концептуализированное накопление прошлого опыта, необходимый и незаменимый с этой точки зрения, вдруг становится для этого процесса препятствием, подлежащим преодолению. Для подобной ситуации характерно противоречие между обучением и отучением. Очевидно, что отучение не менее необходимо, но более трудно, чем учение: оба процесса включены в опыт понимания.

Еще Гераклит Эфесский в V в. до н.э. заметил: «Многознание уму не научает». А вот юмор, скажем мы, помогает человеку встать над многознанием и усилить понимание и восприятие реальности, культуры. И это важно. Ведь несмотря на то, что понимание присуще каждому, «любой человек поступает так, как если бы его разум был обособленным и только его собственным» [4].

Есть так называемая **неписаная философия**, объясняющая основания человеческой мысли и культуры мышления: «во все эпохи обнаруживается общая интерпретация мира, контролируемая некоторой схемой неоспоримых и безусловных предпосылок... Этот элемент мышления, конечно, с большим трудом поддается выявлению и анализу, так как надежно скрыт другими всевозможными характеристиками сознания» [5]. Достоин удивления то, например, что под бурлящей поверхностью философской дискуссии образуется сильное придонное течение, в целом направляемое посылками, о которых почти никогда не упоминают. Такие послышки характерны для сознания людей определенной культуры и воспринимаются ими как нечто самоочевидное. Установка на признание самоочевидности ограничивает поле зрения или порождает инерцию восприятия.

В то же время столкновение с несовместимостью или противоречием способствует отстранению от ситуации, что облегчает отучение от признания очевидности и видение самих себя в ином ракурсе. Юмор как способ отучения от очевидности оказывается при этом своего рода археологией или философией обыденной жизни. Понимание приходит тогда, когда люди освобождаются от старого и очевидного и когда становится возможной встреча с новым.

Если знание есть прежде всего знание нашей старой, доморощенной системы идей и «окончательных» определений, то понимание - в большей степени прямое постижение сырого материала, означающего нечто из ряда вон выходящее. Мир как бы ставится юмором на острие мышления. Знание, инертные интерпретации, заданность культуры проверяются на тривиальность и глубину.

Хорошо известно, что культура выступает историческим условием познания. Знание приходит к человеку из текстов - письменных или устных. О них можно говорить красиво: это - ландшафт культуры, опредмеченное выражение человеческого опыта, его реальность. В данном случае ограничимся тем, что без текста нет вообще объекта изучения, мышления. Он определяет значения и представления, практикуемые людьми в обыденной, общественной жизни. Благодаря существующей взаимосвязи между историей, текстом и смыслом возможна и «неписанная философия». Таким образом культура определяет, как человек воспринимает окружающий мир и самого себя.

Однако культура как система текстов в тенденции увязает в непогрешимости и становится границей, мешающей восприятию других культур. Мы же страдаем от нехватки самокритики, непреодолимого ощущения важности нашей культуры, запрещающего смех над собой. Кажется, что люди воспринимают себя не столько серьезно, сколько сверх-серьезно. Где уж тут быть самокритике, тем более комическому самовосприятию!

Юмористическое видение выдвигает на передний план комическое, всякие нелепицы нашей жизни, оставляя на заднем серьезное, законченное, очевидное. Избавляясь тем самым от подслеповатого видения, нетолерантности, дефицита игрового отношения, мы в результате получаем человека, осознающего парадокс своего знания.

Факт остается фактом: человек укоренен в культуре, она формирует его субъективность. С этой точки зрения имеются по крайней мере три измерения человеческой реальности - культура, представления и их предпосылки, или неписанная философия. В то же время культура образует матрицу юмора и осмысления. И есть два способа придания смысла социальной реальности - серьезность и юмор. Но правильно ли истолковывают этот второй способ?

Юмор дает повод утверждать, что человек - это животное, умеющее смеяться, поступать смешно и оказываться в смешном положении. Но вряд ли подобное упрощение полезно. Забывают, что перед нами уникальный процесс «дозревания» человека при определенном условии - когда он наталкивается на свои границы и с весельем принимает их благодаря установке на смех, игру с противоположностями, парадоксами, несуразностями и, главное, с самим собой. Юмор подталкивает к открытию, которое не дается логикой, традиционно признанным или ожидаемым.

Человечество всегда отличалось своим догматизмом, порой фанатическим, слабым, беспомощным перед пронизательностью толерантного юмора и не способным понять его. Вероятно, поэтому понимание связано с постоянной борьбой двух способов осмысления социальной реальности. Один из них - серьезность, доминирующий, господствующий, официальный способ, устанавливающий линейное вертикальное социальное взаимодействие. Другой - юмористический, считающийся низшим, подчиненным и присущий горизонтальному социальному взаимодействию.

Существенная черта серьезного способа взаимодействия состоит в том, что, согласно безусловному здравому смыслу, существует мир, причем в одной единственной версии, признаваемой в общем всеми. Это есть реальный мир. Чтобы удержать данную определенность, не допустить неопределенности, ценности серьезности скорее склоняются к уравнительности, нежели к свободе. Замечательный пример - традиционное отношение мужчин к женщинам. Однако почему-то межличностное взаимодействие устанавливается по вертикальной связи, основанной на власти, господстве и отрицании равенства. Серьезность предполагает монолог, отказ от диалога. Голос другого излишен, достаточно одного. Более того, считается, что война серьезна. А Платон, кстати, полагал, что мир серьезнее войны, так как он позволяет заниматься образованием и игрой.

Серьезный дискурс, допускающий одну единственную реальность, не способен продуцировать всеобщий взгляд на мир. Как закрытый текст он требует, чтобы за ним оставалось последнее слово. Юмористический дискурс или текст предполагает не унитарный, единый мир, а разнообразие, неожиданность, нелепость, изначальную противоречивость. Отсюда фундаментальное отличие серьезности от юмора: ее встреча с противоречием или парадоксом оканчивается коллизией или неожиданной заминкой. В юморе противоречие или нелепица перерастают в социальную ситуацию, побуждающую наблюдателя, слушателя, читателя к неожиданному, динамическому восприятию. Очевидно, юмор участвует в социальном конструировании и изменении реальности. Если бывает неожиданное изменение значений, то только благодаря игре с ними. Интенция юмора - создать значение, альтернативное имеющемуся. И люди смеются, когда воспринимают противоречие или

бессмысленность объяснения, а тем самым выбрасывают или «высмеивают» их из интерпретации реальности. Поэтому многообразная реальность и открыта для несовместимых интерпретаций.

Как искусство опосредует воображение и материальный мир, так и юмор опосредует воображение и общество. И это опосредование вынуждает человека к перестройке восприятия и интерпретации реальности. Причем, юмор вовсе не новая точка зрения, но новый способ воззрения на мир. При помощи него человек воспринимает реальность в противоположностях, контрастах, видит полярности, несовместимости, парадоксы, противоречивость ситуации. В этом восприятии образуется особая форма критики, активизирующая мысль, сталкивая идеальное и реальное.

Человек, страдающий отсутствием чувства юмора, не может относиться к юмору серьезно, для него - это род забавы, некая фривольность, не заслуживающая внимания. Конечно, юмор - это удовольствие, получаемое от понимания человеческой глупости. Но секрет юмора в другом, он раскрывается с трудом, если ментальность настроена только на серьезное. Его можно назвать парадоксом смеха над серьезностью или парадоксом смешной серьезности.

В комической трансформации социальной реальности изыскивается способ преодоления ограниченности или односторонности любого представления или суждения. Юмор позволяет достичь отстраненности от определенного смысла мира как целостности. Заметим, что «целое» - всегда отношение, а не конечная сущность. Любой аспект социальной жизни реально приобретает значение целостности в то время, когда индивид избирает конкретное отношение к нему. Тем не менее целое никогда не может быть законченным и положенным во вне. Будучи реализованным, оно, по определению, открывается для изменения, поскольку предполагает процесс взаимоотношения и взаимодействия. Данный процесс означает, что все понимается как часть более широкой целостности и что существует постоянное взаимодействие между значениями или представлениями индивида.

В самом общем виде можно утверждать, что люди - результат системы образования, исключаяющей юмор как уникальный, живой процесс познания и понимания. В глубоком смысле слова здесь нет диалога, а есть «коммуникация» по поводу информации, есть информационная коммуникация, а не общение с познавательной целью. Диалога можно достичь при помощи критического мышления, воображения и чувства. Но и эти компоненты человеческого опыта не пользуются уважением.

Образование зациклено на логическом мышлении. Между тем, юмористическая мысль, исходящая из противоречия, усиленная воображением, способна доставить наслаждение обучением, побуждает студента к участию в диалоге и итеракции. Диалог в мире, где преобладают множества значений, является особым эпистемологическим средством, позволяющим настроить понимание на творческий, моральный и эстетический подход к социальной реальности. Исторический опыт юмора богат уникальными экспериментами и эффектами, связанными с изучением людей, культур, исторических эпох, на его основе прежде всего формируется динамическая интерпретация социокультурной реальности, что, на наш взгляд, важно для совершенствования образования.

Такая интерпретация содержит в себе три взаимодополняющих процесса: творческий, критический и карнавальныи, или диалогизированныи.

Творческий процесс: от идеологии к воображению. Творческий процесс, отрицая догматизм, продвигает человека к развитию воображения. Оно смешливо и создает пространство новых значений, а следовательно позволяет максимально приблизиться к наиболее полному восприятию реальности. Все поддается рассмотрению с разных точек зрения и подобная открытость взгляда - кратчайший путь к решению той или иной проблемы. В творческом процессе комический элемент культурной жизни причисляется к средствам совершенствования мира.

Критический диалог: от монолога к диалогу. Движение от идеологии к воображению влечет за собой передел человеческого взаимодействия, переход от монологической к диалогической интерпретации. Позади остается монолог, который преимущественно связан с индивидуалистической концепцией знания.

Монологическая личность знает только самое себя и не заинтересована по-настоящему в других. Допуская лишь согласие с собой и своими взглядами, она в то же время практикует паразитическое общение, питаясь от щедрот чужих. Поэтому другие в ее гла-

зах предстают как простые слуги, которых можно терпеть или нельзя. Такая личность, как правило, нетворческая. Она стремится выдать свое собственное видение за основное и конечное. Слово ее закрыто, заблокировано барьером определенных значений и оно же, будучи монологическим, множит подобные барьеры без надежды их преодолеть.

Но люди - изначально диалогические существа. Посредством юмора нарушаются границы монолога, благодаря комическому люди спускаются на землю, к противоречиям реальности. Вместе с тем динамический процесс перехода от монолога к диалогу предполагает изменение взаимодействия индивидов: вертикальный, иерархический, авторитарный характер сменяется горизонтальной связью, основанной на человеческом равенстве и схождении голосов.

Бывает неудачный диалог, означающий несостоявшееся понимание. Чтобы диалог получился, необходимо активное участие в нем каждого, существенно также признание противоречия важным элементом общения, допущение конфликтных и одновременно взаимозависимых понятий, точек зрения, подходов. Словом, диалог строится на диалектических принципах.

Диалогическое взаимодействие наилучшим образом обеспечивает открытие и понимание человеческих проблем. Величайшее препятствие на пути к этому заключено в упорной фиксации на одном единственном аспекте общественной жизни, во взгляде на реальность через единственные очки, причем неизбежно искажающие зрение. Через диалог-встречу двух сознаний личность стремится достичь наиболее полного понимания событий настоящего времени, адекватно и реалистически сообщить о них в данный момент, избавившись от терминов прошлого, ушедшего времени. В противном случае самосознание не состоится и то, что происходит вокруг нас, не осознается.

Гарантией диалога выступает и так называемый горизонтальный контакт, основанный на равенстве общающихся, побуждающий к равенству выражения людей. С отменой вертикального, догматического, авторитарного контакта пробуждаются воображение и творческий дух, интеллектуальная спонтанность, общение освобождается от монологического зажима. В свои права вступает не слепая вера, а доверие, устанавливающее между людьми наиболее глубокие взаимоотношения, без которых невозможны ни полноценная мыслительная работа, ни развитие умственных способностей. В противном случае мы бы имели дело с мертвым знанием, а не с людьми, овладевающими знаниями и обогащающими их значимым собственным опытом и опытом других.

Движение от идеологии к воображению, от монолога к диалогу, от вертикального взаимодействия к горизонтальному обуславливает возможность еще одного процесса — карнавализации человеческого сознания. При этом юмор играет незаменимую роль, привнося в нашу жизнь смех. Он-то как раз и свидетельствует о конечном, преходящем характере монологического социального мира, обновляет сознание и даже тело, если принять во внимание его психофизиологический эффект. Смех и мысль идут рука об руку. Не правда ли, смех появляется тогда, когда люди начинают думать, и исчезает, когда перестают.

Карнавализация сознания. Официальная культура, основанная на монологе и защищенная культурной непогрешимостью, отвергает юмор по праву более уважаемой и самодостаточной модели. Более того, с ее позиции все другие культурные страты представляются менее ценными и даже вредными. Но разве не ограничиваются при этом потребности и возможности человека в выражении своих мыслей и чувств?

Юмор продуцирует диалогизированную карнавализацию сознания в поиске новых слов и значений, а следовательно, динамическое восприятие, допускающее рассмотрение вещей с иных, чем прежде, позиций. Он способствует пониманию нелепицы человеческой жизни, самокритике с применением терапевтического смеха - смеха над самим собой. Тщеславный, испуганный или злобный человек не может смеяться над собой. Так может поступать только тот, кто сумел сделать шаг к совершенствованию, здравомыслию, кто несет мир и добрую волю. Такой смех означает, что человек не боится признаться в своих слабостях, избаловать себя в несправедливости. Это - поистине величайшая цивилизующая сила, регулятор сложности взаимоотношения людей, жизненных ситуаций. С ним человек поднимается на более высокую ступень самопонимания и понимания других.

Юмор всегда демократичен и выступает эстетической критикой общественной жизни. Он подразумевает парадокс диалогического вышучивания невежества и глупости, дог-

матизма и нетерпимости. Выстраивая потешную структуру знания, игрового понимания, интеллектуального изумления, он способствует соревнованию воображений, познавательной игре с представлениями и значениями. Благодаря ему человек карнавализует не только сознание, но и общество, историю.

Юмористическое видение истории и человеческой культуры инициирует процесс отчуждения от того, что уже известно, от псевдознания. Такая коррекция ошибок или глупости необходима, поскольку многократно повторяется та самая ситуация, когда человек заявляет; «Я знаю, как плавать, но никогда не плавал». Люди склонны принимать те или иные представления на веру, без обоснования, и в какой-то момент эти представления действительно реальны, но потом обнаруживается, что у людей нет ничего в запасе, кроме слов.

Каждый ответствен относительно своей глупости или своего смеха. Если некто игнорирует юмор, он ставит себя в глупое положение. Или человек играет с элементами реальности, или они - с ним. Иного не дано.

Предмет изучения в системе образования всегда один и тот же: жизнь во всех своих проявлениях. Если система разрешает юмор, то открывается возможность более реалистической и гуманистической картины жизни, ее понимания. Юмор вытягивает как бы человека из статики, косности суждения в неупорядоченный процесс понимания, в жизнь без теории.

Суть юмора - открытие и устранение абсурда, блокирующего изучение мира. Вместе с тем юмористическое видение выстроить трудно, это требует от человека войти в переходное состояние, выйти из мира монологизма и специализации. Именно здесь обнаруживается, что античные грации - Аглая (блеск), Евфросиния (радость), Талия (цвет) - в наше время давно подменены другими грациями: гонка, эффективность, успех.

Юмориста можно назвать онтологическим магом спонтанности, раскрывающей новые и неожиданные возможности мира идей и значений. Он ощущает в большей степени, чем другие, радикальную неполноту нашего существования, его характер становления.

В той степени, в которой человек отчужден от юмора, жизнь фальсифицирована. Магический синтез смеха над другими и смеха над собой подключает к пониманию общества и самого себя уникальные человеческие дарования и способности - все, что присуще телу, воображению, разуму, чувственности, человеческой радости. Игра и смех - высшее выражение живущих и радующихся жизни.

Будучи археологией повседневной жизни, юмор пробуждает энтузиазм. Игра с повседневностью приводит к тому, что человек отстраняется от очевидного для того, чтобы вернуться к нему как к чему-то новому, претерпевающему изменение. Благодаря этому возможно моральное и эстетическое регулирование общественной жизни. Признание несовершенства мира изменяет взгляд на него, если это сопровождается победой эстетического смеха над грубостью.

Признавая, что наше образование монологично в большей мере, мы должны стремиться к диалогу. Юмор и диалог соответствуют становящейся сущности человека, получающего образование. Потребность в юмористической интерпретации общества, политики, философии базируется на стремлении к реалистическому пониманию истории и общества, а значит, к парадоксальному пониманию. Юмор обладает историей, но она есть история противоречий, ограниченности и радости, с которым и благодаря которым творилась история человечности. Человеческая жизнь поэтому коренится на историческом, т.е. юмористическом, основании. История - зеркало юмора.

Перевод с английского В.В. ПЛАТКОВСКОГО

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bakhtin M.* Francois Rabelais and his world. Indiana University Press. Translated by Helene Iswolsky, 1984.
2. *Huxley A.* The human situation. London, Triad Grafton Books. 1989.
3. *Huxley A.* Tomorrow and tomorrow and tomorrow. New York: Bantam Books. 1956.
4. *Davenport G.* Herakleitos and Diogenes. San Francisco: Grey Fox Press. (Translated from the Greek by Guy Davenport). 1976.
5. *Conford FM.* The unwritten philosophy. Cambridge University press. First published 1950.